

А. И. Чепель

**ПЕРЕВОДЧИК «ХУД ГРАМОТЕ» И «ПЕРЕВОДИЛ
НЕСПРАВЧИВО»: ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА
В ШВЕДСКО-РУССКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ
ПОСЛЕ СТОЛБОВСКОГО МИРА**

Столбовский мирный договор 1617 года открыл новую страницу в отношениях Шведского королевства и Московского царства. В статьях «вечного мира» были заложены основы многих противоречий, которые получают развитие в течение наступившего мирного периода сосуществования стран-соседей.

С одной стороны, 8-я и 11-я статьи закрепили согласие царя Михаила Федоровича уступить шведскому королю Густаву II Адольфу территории Северо-Запада России — Ижорскую землю (Ингерманландию) и Корельский уезд (Кексгольмский лен)¹, и в шведском подданстве оказалось значительное число местных жителей, большинство из которых исповедовало православие². Это определило длительное противостояние сторон за удержание и привлечение населения, особую остроту приобрела проблема перебежчиков³. Здесь Россия находилась в более выгодном положении, эксплуатируя бытовавшее представление о том, что православный — значит подданный русского царя⁴.

Этнический состав приграничного населения был более пестрым, чем конфессиональный: это были не только русские, но и родственные финнам племена водь и ижора, а также карель⁵. Густав II Адольф считал ненадежным положение, при котором большинство населения новоприобретенных земель было тесно связано с Россией⁶. Представлялось опасным привлекать бывших царских подданных в шведские вооруженные формирования⁷, но

малонаселенность Швеции в условиях масштабных наступательных войн заставляла шведское правительство мириться с тем, что в приграничных гарнизонах несут службу лояльные России подданные шведского короля, готовые при удобном случае изменить своему новому монарху⁸.

Переселенческая политика шведского правительства, призванная, в частности, решить проблему концентрации у границы с Россией неблагонадежных королевских подданных, способствовала появлению в приграничных землях финского и немецкого населения⁹, в результате чего оказывались ущемлены «крестьяне русские люди», которых выслали «на пустые земли»¹⁰.

Соответственно, языковая ситуация в приграничье постоянно усложнялась, и это оказывало влияние на управление населением порубежных территорий. Так, местные жители, стремясь избежать привлечения на военную службу, ссылались в том числе на языковые барьеры: «Людишки малодушные, глупые, и русского и немецкого языков не знаем»¹¹. Для находившихся под следствием преступников появлялась возможность изменять показания в свою пользу. Так поступил, к примеру, обвиненный в убийстве «ижерянин» Гаврилко Еустратьев: «А что в первом расспросе сказал <...>, то сказал исторопаясь, по-русски говорить мало умеет, рассказать подлинно не умел»¹².

В то же время в 33-й статье были намечены контуры военно-политического союза, направленного против общего врага — Речи Посполитой¹³, и эти планы привели к активизации дипломатических усилий на пути к намеченной цели. Тесное переплетение в отношениях Швеции и России соперничества и сотрудничества позволило современным исследователям определить эти отношения как состояние «полувражды»¹⁴, при которой одна страна относительно другой была «давним соперником и недолговечным другом»¹⁵.

Помимо взаимодействия центральных правительств, регулярно обменивавшихся посольствами, большую роль стали играть дипломатические контакты непосредственно в приграничье. Это были систематически созывавшиеся по инициативе Стокгольма и Москвы межевые съезды. В круг полномочий межевых судей входило разрешение широкого круга проблем, возникавших в районе новой шведско-русской границы. Это и установление и корректировка линии границы, и взаимный обмен перебежчиками, и вопросы торговли, и проблемы управления в приграничных районах¹⁶. На границе периодически также созывались съезды для решения более узкого круга вопросов, например, специально для размена перебежчиков¹⁷.

Съезды созывались для разрешения накопившихся проблем, но в приграничье существовали и постоянно действовавшие каналы дипломатического общения. Оперативное управление порубежными территориями осуществляли русские воеводы и коменданты шведских приграничных крепостей, в русских документах именуемые «державцами». Они вели переписку с целью регулирования положения в районе границы, «соседственно» решая те приграничные конфликты, которые относились к сфере их компетенции¹⁸.

Учитывая частые съезды на рубеже, а также систематическую переписку приграничных администраций обеих стран, в порубежных землях увеличивалась роль толмачей и переводчиков. Задачей толмачей было устное объяснение с иностранцами, переводчики же работали с текстами — переводили присылаемые из-за рубежа грамоты и составляли ответные послания¹⁹. Если число русских подданных, способных объясняться по-шведски, и шведских подданных, говоривших по-русски, по обе стороны границы исчислялось сотнями (в основном это были торговцы)²⁰, то квалифицированных переводчиков, способных переводить дипломатические тексты, не доставало. Здесь Швеция оказалась в более выгодном положении, чем Россия. Исследователи отмечают, что языковые связи Русского государства долгое время носили «явно односторонний характер»: иностранцы приезжали изучать русский язык, но не наоборот, и лишь с конца XV века русские начинают овладевать иностранными языками. Даже в Посольском приказе в Москве переводчики со шведского языка стали появляться только в последней трети XVI века²¹.

В Швеции подготовка профессионалов, знавших русский язык, началась уже в середине XVI века. В начале XVII века в Стокгольме существовала центральная переводческая контора, в ведении которой находились местные отделения в Выборге, Нарве, Ревеле, Дерпте, а после Столбовского мира — в Ивангороде, Риге, а также в приграничных гарнизонах на территории Ингерманландии²². Такое внимание шведского правительства к организации изучения иностранных языков объяснялось неоднородностью населения Швеции в языковом отношении. Задолго до перехода под шведскую власть территорий, населенных русскоговорящими жителями, в границах Швеции жили люди, говорившие на финском, эстонском, немецком языках, и появление еще одного языка не должно было поставить перед властью ранее неизвестные проблемы²³.

После Столбовского мира переводчики, владевшие русским языком, требовались в Швеции для решения двух задач: поддержания дипломати-

ческих контактов между Швецией и Россией, а также для взаимодействия шведских властей с русскоязычными подданными. основополагающим принципом шведской политики в отношении религии была монополия лютеранского вероисповедания на всей территории государства. Для проповеди среди православных основ лютеранского вероучения требовались пасторы, владевшие русским языком, и шведская администрация считала необходимым, с одной стороны, отправлять в Россию за государственный счет шведских и финских студентов для изучения языка, а с другой — более активно привлекать русских юношей к обучению в лютеранских школах²⁴.

Наличие переводчиков-русистов было особенно необходимо для успешности шведской дипломатии во многом именно потому, что в России было немного людей, владевших западноевропейскими языками²⁵. Царское правительство искало пути выхода из ситуации нехватки переводчиков, применяя даже меры принуждения. Любой владевший иностранным письмом мог быть призван к обслуживанию дипломатического аппарата Московского царства, и согласия человека при этом не требовалось²⁶. В XVII веке приезды иностранцев в Россию с целью изучения русского языка становятся обычным делом. Это происходило во многом благодаря позиции русского правительства. Пограничные воеводы получали специальные предписания о беспрепятственном пропуске желающих учиться даже без предварительного запроса в Москву²⁷. Обучение иностранцев русскому языку было организовано прежде всего в порубежных городах²⁸. Большой процент учеников прибывал из шведских владений, и русские власти распоряжались: «Впредь из Сvei которые немцы для науки русские грамоты учнут в Великий Новгород приезжать»²⁹ — их принимать и отдавать в обучение «церковным дьячкам». Такими учениками потенциально впоследствии можно было пополнять штат переводчиков, но способ их обучения вряд ли способствовал обеспечению необходимого числа квалифицированных специалистов. В России в изучаемый период из-за отсутствия какой-либо системы образования неграмотные священнослужители не были редкостью³⁰.

Недостаток переводчиков подчас грозил затормозить процесс переговоров. Так, в 1617 году в Посольском приказе был единственный высококвалифицированный переводчик со шведского языка — Вульф Яковлев: «А Свейского языку переводчиков и толмачей в Посольском приказе опричь Вульфа нет <...> и в Посольском приказе без него нельзя». Подобное положение дел увеличивало нагрузку на грамотных переводчиков. Когда в 1618 году в Москву прибыли шведские послы, в Казань немедленно послали гонцов за находящимся на русской службе переводчиком — шведом

Арном Буком, хотя в русской столице находились и другие переводчики со шведского. Верительную грамоту шведских послов переводило несколько переводчиков. Тем не менее после этого текст грамоты был вторично переведен прибывшим, наконец, в Москву Буком: «Переводил Арн Бук вдругорядь для правки».

Отчаянное положение заставляло подчас принимать неоднозначные кадровые решения. Известен случай, когда в Посольский приказ был зачислен практически не владевший русским языком швед, в России звавшийся Андреем Петровым. В 1617 году его коллега в челобитной русским властям заявил: «Ведомо вам самим <...>, что Ондрей Петров по-русски не токмо что грамоте — говорить не умеет, а я по-свейски языку и грамоте не умею. А сказывает мне Ондрей с свейского письма немецким языком, и что скажет, то я и напишу». Подобный способ перевода называли переводом «через язык»³¹.

Если даже в столице недоставало переводчиков, то воеводам приграничных городов приходилось еще труднее. Свою роль играло отношение русских к общению с иностранцами. Казалось бы, в приграничье регулярное взаимодействие с «зарубежными людьми» должно было способствовать изучению языков, но традиционно православные считали оскорбительным общаться с представителями иных вероисповеданий в быту³², и русские власти периодически ограничивали возможности такого взаимодействия³³. Прежде всего эти ограничения касались находившихся на виду представителей высшей знати. Поэтому неудивительно, что отвечавшие за взаимодействие с властями и населением шведских владений русские приграничные воеводы в большинстве своем не владели иностранными языками. Так, в 1619 году псковские воеводы с тревогой писали царю о дипломатических осложнениях в приграничье, возникших из-за незнания языков: «Мы, холопы твои, ни один немецкому языку и грамоте не умеем, а как переводчик перед нами тот лист переводил, и мы его про то допрашивали многожда, чтоб он высматривал и переводил прямо». На беду воевод переводчик оказался «худ грамоте русской и языку не умеет, а говорит через толмача»³⁴. Новгородские воеводы также периодически уведомляли центральное правительство, что «переводчика в Новгороде нет»³⁵.

Интерес к привлечению различными путями знатоков иностранных языков, в том числе шведского, был велик. В 1622 году новгородская администрация сообщила в Москву следующее. Из Ругодива (Нарвы) приехал «немчин Томас Бенедиктенс», который был «у королевских дел в Ругодиве в подьячих лет с двадцать и болши. И по наносу <...> недругов его от ко-

ролевских дел отставлен тому третьей год. И жил в Ругодиве. И дана ему повольность ехать в которые государства захочет. И он выехал на царское имя <...> чтобы быть у государевых дел в переводчиках. А умеет он тремя языки, немецкий, свейский, финский. А за нужу он умеет и латинскому языку. А русскому не умеет». Царское правительство готово было принять такого ценного специалиста, но отсутствие у него «отпускной грамоты» от шведских властей позволяло квалифицировать Томаса как нарушителя границы, перебежчика, и до получения грамоты в зачислении в штат переводчиков ему было отказано³⁶.

В 1624 году новгородский воевода перед угрозой отправки переводчиков на съезды для размена перебежчиками с тревогой писал в Москву, напоминая, что в Великом Новгороде всего два переводчика: «Еремей Еремеев и тот умеет немецкой язык и грамоте. А Ондрей Петров умеет по-свейски говорить и грамоту свейскую знает, а на русский язык с свейского грамоты перевести и русским языком без толмача рассказать не умеет», и в Новгороде без Еремея Еремеева не обойтись, потому что шведские «державцы» пишут воеводе «о всяких пограничных делах немецким письмом, а не руским почасту». Если же переводчика Андрея Петрова послать на съезд, то понадобиться приставлять к нему толмача — ведь этот переводчик «свейского письма на русский язык сам перевести и росказать не умеет, а в два места переводчиков и толмачей послать некого». Как видим, Андрей Петров за несколько лет пребывания на русской службе так и не выучился «русской грамоте». Посольскому приказу приходилось иногда прибегать к услугам иностранцев, которые не состояли в штате переводчиков. В сложившейся ситуации воевода отправил искать вокруг, «есть ли у них такие люди, кто умел у руских людей по-свейски говорить». Таких людей не нашлось, а «служилых и торговых немец» в это время в Новгороде не оказалось³⁷.

Что касается переводчика Андрея Петрова, то именно его недостаточная квалификация в итоге стала препятствием к отправке на съезд, созываемый для размена перебежчиками: «А переводчика Андрея на съезд посылать нельзя <...> он листы немецкие переводит несправливо. А на русский язык немецкого письма перевести и речью рассказать не умеет. И окромя ссоры на съезде в переводах от того переводчика чаять нечего. И в Новгороде ему в переводе немецких листов верить немочно», потому что он ранее «листы Орешковского державца переводил несправливо, сказал в переводе не так, как в листе писано». Недостаточная квалификация переводчика была отмечена и шведским «державцем», писавшим воеводе: «Твой переводчик своими видимыми очами у себя просмотрелся, а неправдою перевел»³⁸.

Присылка в приграничье переводчиков из столицы не всегда спасала положение. Так, в 1633 году из Москвы в Великий Новгород был прислан переводчик Ефим Фентуров. Воевода велел ему «лист Корельского державца перевести», и переводчик, «досмотря тово листа, сказал, что тот лист писан свейским письмом, а он перевести ево не умеет, потому что он свейского письма не все слова знает, только знает он цесарской перевод, и то недостаточно, а свейского и иных немецких языков письма переводить не умеет»³⁹. В 1650 году русские межевые судьи сообщали с рубежа в Великий Новгород, что получили из Ниеншанца «лист», «а в листу <...> написано свейским письмом; а переводчик, который с нами с Москвы послан, Матфей Елисеев, свейского языку письма переводить достаточно не навычен, а сказал нам, смотря на тот лист речью, которые статьи выразумел, а иного де свейского языку письма он перевести не умеет. И мы тот лист для подлинного переводу послали в Великий Новгород <...>. Тот лист велено перевести и тот лист и перевод велеть прислать к нам на между»⁴⁰. Вероятно, дефицит переводчиков со шведского заставил новгородского воеводу в начале 1660-х годов обратиться с просьбой к шведскому коменданту — «впредь писать по-цесарски», а не по-шведски. В ответ «державец» сообщил, что «то учинить нельзя <...> и быть тому по-прежнему». Далее комендант напомнил воеводе правила дипломатической переписки: «А которые листы ты ко мне пишешь по-русски, те листы у нас переводят по-свейски <...>. Тебе так же наши листы, кои писаны по-свейски, велеть переводить по-русски»⁴¹.

Трудно сказать, что создавало большие проблемы — переводчик с низкой квалификацией или отсутствие переводчика вовсе. Столбовским договором предусматривалась взаимная выдача перебежчиков⁴², и периодически проводились размены. В 1623 году в Ладогу со шведской территории, из Корелы, приехал шведский гонец Юрий Лаврентьев, приведший для возвращения в пределы Московского государства группу перебежчиков. Поскольку передача беглецов должна была сопровождаться обменом документами с перечислением их имен, гонец привез на рубеж соответствующий «лист». Ладожский воевода отказался принять этот документ — «лист» был написан «немецким письмом», а в Ладоге «переводчиков нет». Воевода лишь сообщил о прибытии гонца в Великий Новгород, а «гонца отпустил позорна и срамна. И гонец ждал указа на рубеже» две недели. Приехавший из Новгорода за грамотой дворянин шведского гонца на границе «не изъехал» — тот не дождался и вместе с перебежчиками «поехал назад»⁴³.

Иногда шведские приграничные власти отправляли грамоты на русском языке. Так, в 1624 году псковская воеводская администрация получи-

ла из Нарвы роспись перебежчиков — «написано руским письмом»⁴⁴. Все же и на шведской стороне не всегда было достаточно знатоков русского языка. Так, в 1631 году русские власти, в свою очередь, задержали на границе группу перебежчиков и уведомили об этом ругодивского коменданта Нильса Ассерсона, чтобы он взял их «в королевскую сторону». Прибывшие за беглецами шведские представители оставили о перебежчиках «отпись немецким письмом», и новгородская администрация вынуждена была отослать документ для перевода в Москву, «для того что переводчик Андрей Нильеборг той отписи перевести не умел, а руским письмом отписи те немцы не дали за тем, что у них руским письмом отписи написать некому, и мы тех перебежчиков затем отдать не хотели, что отписи перевести некому, да не отдать не смели для того, чтоб для тех перебежчиков ссоры не учинилось»⁴⁵.

Учитывая активное передвижение через шведско-русскую границу, значение приобретало также наличие переводчиков непосредственно на заставах. Это позволяло оперативно определить, легально или нет пересекает границу тот или иной человек, прочитав имеющуюся у него грамоту. Так, в 1636 году к начальнику русской заставы («заставному голове») Богдану Тыркову из Великого Новгорода поступил запрос, с каким документом он пропустил Матюшку, «выходца» из шведских владений? Тырков оправдывался: «Я у того Матюшки грамоту видел, а сказал, что то отпускная, а писана по-немецки, а не по-русски <...>. А мне неведомо, отпускная или нет, потому что у меня толмача и переводчика нет»⁴⁶.

Отсутствие переводчиков на границе упрощало положение тех, кто пересекал границу незаконно. Чтобы легально попасть за рубеж, необходимо было получить проезжую грамоту у властей своей страны, предъявить документ зарубежной приграничной администрации и получить от нее новую грамоту⁴⁷. Эта процедура требовала участия переводчиков. Так, в 1646 году стрельцы во главе с русским заставным головой Павлом Гурьевым, отправившиеся в погоню за разбойниками, которых они не знали в лицо, не взяли под арест преступников, потому что те «воры от головы отманились проезжими грамотами, что у них были написаны два листа немецким письмом», которые для перевода потребовалось отправить в Новгород⁴⁸. Невозможность узнать содержание документа на месте затягивала дело, давая преступникам выигрыш во времени.

Таким образом, недостаточная квалификация переводчиков или их отсутствие в распоряжении приграничных властей существенно осложняли дипломатические отношения. Невозможность организовать квалифициро-

ванный и при этом оперативный перевод непосредственно в приграничье накаляла обстановку, подчас грозя разрушить хрупкую шведско-русскую «соседственную дружбу».

¹ *Видекинд Ю.* История десятилетней шведско-московитской войны / пер. С. А. Аннинского, А. М. Александрова; под ред. В. Л. Янина, А. Л. Хорошкевич. М., 2000. С. 436–439.

² *Толстиков А. В.* Русское православие в политике и политической риторике Швеции, первая половина XVII в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. С. 87.

³ *Якубов К.* Предисловие // Россия и Швеция в первой половине XVII века: сб. материалов / сост. К. Якубов. М., 1897. С. III–X; *Жербин А. С.* Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956; *Kirkinen H.* Karjalan historia juurista uudenkaupungin rauhaan // Kirkinen H., Nevalainen P., Sihvo H. Karjalan kansan historia. Porvoo; Helsinki; Juva, 1995. S. 165–167.

⁴ *Селин А. А.* Порубежное духовенство в 1-й половине XVII в. // Староладожский сборник. СПб.; Старая Ладога, 2000. Вып. 3. С. 34.

⁵ *Исаченко Г. А.* «Окно в Европу»: История и ландшафты. СПб., 1998. С. 74–75.

⁶ *Öhlander C.* Bidrag till kändedom On Ingermanlands historia och förvaltning. Uppsala, 1898. D. 1: 1617–1645. S. 24.

⁷ *Kokkonen J.* Rajaseutu liikkeessa: Kainuun ja Pielisen Karjalan asukkaiden kontaktit Venäjän Karjalaan kreivin ajasta sarkasotaan (1650–1712). Helsinki, 2002. S. 410.

⁸ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1621 г. Д. 1. Л. 65–66.

⁹ *Беспярых Ю. Н., Шаскольский И. П.* Начало шведского господства в Ижорской земле // Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население, землевладение, землепользование) / рук. авт. колл. А. Л. Шапино. Л., 1989. С. 191.

¹⁰ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1624 г. Д. 1. Л. 71.

¹¹ *Мюллер Р. Б.* Карелия в XVII в. // История Карелии с древнейших времен до середины XVIII века / под ред. А. Я. Брюсова. Петрозаводск, 1952. С. 241.

¹² РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1630 г. Д. 1. Л. 12.

¹³ *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 449.

¹⁴ *Рогинский В. В.* Российско-шведские отношения в Новое время // Шведы и Русский Север: Историко-культурные связи (к 210-летию А. Л. Витберга): Материалы Междунар. науч. симп. Киров, 1997. С. 191.

¹⁵ *Жуков А. Ю.* Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород, 2003. С. 203.

¹⁶ *Курсков Ю. В.* Русско-шведские отношения в 40–50-х годах XVII века (межевые съезды 1642, 1652, 1654 годов) // Скандинавский сборник. Таллин, 1958. Вып. 3. С. 149–163.

- ¹⁷ Селин А. А. Ладога при московских царях. 3-е изд., испр. и доп. СПб.; Старая Ладога, 2008. С. 96–97.
- ¹⁸ Курсков Ю. В. Указ. соч. С. 149.
- ¹⁹ Белокуров С. А. О Посольском приказе. М., 1906. С. 53–54.
- ²⁰ Некрасов Г. А. Тысяча лет русско-шведско-финских культурных связей IX–XVIII вв. М., 1993. С. 56, 58–59.
- ²¹ Коваленко Г. М. Новгородские переводчики XVII в. // **Новгородский исторический сборник** / отв. ред. В. Л. Янин. СПб., 1999. Вып. 7. С. 123.
- ²² Мыльников А. С. Картина славянского мира: Взгляд из Восточной Европы: Представления об этнической номинации и этничности XVI — начала XVIII века. СПб., 1999. С. 138.
- ²³ Sjöberg A. Luthers Katekes på ruska och Alfabetum retenorum (Två ruska tryck från början av 1600 — talet) // *Slavica Lundensia*. В. 3: Kring den svenska slavistikens äldsta historia. Lund, 1975. S. 9.
- ²⁴ Толстиков А. В. Указ соч. С. 89, 109, 133.
- ²⁵ Tarkiainen K. Rysstolkarna som yrkeskår 1595–1661 // *Historisk tidskrift*. 1972. № 4. S. 521.
- ²⁶ Рогожин Н. М. Посольский приказ: Колыбель российской дипломатии. М., 2003. С. 46.
- ²⁷ Пушкарёв Л. Н. Освоение русского языка иностранцами в конце XVI–XVII вв. // *Вопросы истории*. 2004. № 6. С. 122.
- ²⁸ Пушкарёв Л. Н. Начальный этап в изучении иностранцами русского языка (вторая половина XVI — XVII вв.) // *Россия и мир глазами друг друга: Из истории взаимовосприятия*. М., 2006. Вып. 3. С. 224.
- ²⁹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. 3. № 184. С. 266.
- ³⁰ Стефанович П. С. Приход и приходское духовенство в России в XV–XVII веках. М., 2002. С. 261, 267.
- ³¹ Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. С. 172, 367.
- ³² Руцинский Л. П. Религиозный быт русских по сведениям иностранных писателей XVI и XVII веков. М., 1871. С. 203.
- ³³ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1653 г. Д. 1. Л. 47–48; Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века: Правовой статус и реальное положение. М., 2004. С. 66, 70–71.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1619 г. Д. 1. Л. 76.
- ³⁵ Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (далее НИИ СПбИИ РАН). Колл. 2. Оп. 1. Д. 28. Л. 129 об.
- ³⁶ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1622 г. Д. 1. Л. 22–23, 28.
- ³⁷ Там же. 1624 г. Д. 1. Л. 74–75.
- ³⁸ Там же. Л. 96–97, 108.

³⁹ НИА СПбИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 391. Л. 1.

⁴⁰ Дела Тайного приказа: [в 4 кн.] / ред. С. Ф. Платонов. Л., 1926. Кн. 4. (Русская историческая библиотека. Т. 38). Разд. V. Стлб. 429.

⁴¹ НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 28. Л. 95 об.–96.

⁴² *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 444.

⁴³ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1624 г. Д. 1. Л. 312, 319.

⁴⁴ Там же. Л. 341.

⁴⁵ Акты Московского государства / под ред. Н. А. Попова. СПб., 1890. Т. 1. № 311. С. 331.

⁴⁶ НИА СПбИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 604. Л. 1.

⁴⁷ Там же. Д. 259. Л. 1.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617 г. Д. 15. Л. 125.